

Анна
Леденцовская
В ЧАС, КОГДА
ЗАМУРЛЫЧЕТ КОТ...

Анна Леденцовская

В час, когда замурлычет кот...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72621817

SelfPub; 2025

Аннотация

"В час, когда замурлычет кот и позабытое божество откроет глаза в ином мире, дитя света от тьмы, возвращенное отцу смертной женщиной, обретет счастье и одарит спасительницу".

Странные строчки всплыли на экране монитора и исчезли. Верочка не подозревала, что это пророчество, и леди Судьба уже прищурившись смотрит на нее из-под ресниц.

в книге будут:

#адекватная попаданка

#красавец некромант(неожиданно узнавший, что он давно отец!)

#девчушка лет шести(как и все дети в ее возрасте, шептунья и проказливая)

#кот, который когда-то был богом

#пророчество (1 штука)

#леди Смерть(с чувством юмора)

#добро и зло(в разных интерпретациях)

#хэппи энд

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	44
Глава 6	55
Глава 7	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Анна Леденцовская

В час, когда замурлычет кот...

Глава 1

Сидя за столом в своей небольшой комнатушке, Верочка с недоумением читала странные строчки, появившиеся на экране старенького ноутбука.

«В час, когда замурлычет кот и позабытое божество откроет глаза в ином мире, дитя света от тьмы, возвращенное отцу смертной женщиной, обретет счастье и одарит спасительницу».

– Бред какой-то... И это на запрос про детский стишок для праздника?

Вера Дмитриевна в ступоре снова пробежала глазами по написанному, морща лоб и даже не подозревая, что виновники всего этого прячутся сейчас у нее под окнами в наползающих на двор сумерках. У подъезда, под густым кустом, на котором буквально несколько дней назад появились первые клейкие зеленые листики, притаилась ничем не примечательная парочка.

У любого, кто их заметил бы, они не вызвали бы никакого подозрения. Разве странно, что маленькая девочка, вообразив, будто куст – это домик, играет там со своим котенком? Разве что котик с виду был явно не домашний, тощий, бело-рыжий и весь какой-то замурзанный. Девчушка в красной курточке тоже была не очень-то чистой. Возможно, потому, что она ловила свою пушистую добычу, чтобы поиграть, а поймав и крепко прижав к себе, теперь что-то объясняла нервно мотавшему тонким облезлым хвостиком кошаку.

При этом девочка то и дело поглядывала на одно из светящихся окон второго этажа ветхой деревянной двухэтажки, которую городские власти никак не желали отправить под снос. Расселять этот коммунальный барак, покосившийся на подгнивших сваях, местным чинушам казалось изрядным расточительством для городского бюджета. Ведь, как известно, экономия бюджетных средств – это прямая дорога к внушительным премиям административного аппарата к концу года.

– Думаешь, она уже прочла? Что она делает? – взволнованно шептала девочка своему рыжему приятелю, машинально почесывая его за ухом.

Мелкий блохастик забился в ее руках, выворачиваясь ужом и маша тощими лапами с выпущенными коготками.

– Немедленно прекрати меня тискать! Мы так не договаривались, – зашипел он в ответ, плюхаясь из рук малышки на траву и дугой выгибая взъерошенную спину. – Прочита-

ла, теперь ругается про себя, что где-то ее железяка болячку подхватила. Тычет в кнопки. Давай уже, пошли! Куда?! На руки меня бери, да не вздумай опять гладить! – Крошечный звереныш одним прыжком заскочил в подставленные руки и ткнул лапой в подъездную дверь. – Сюда – и сразу на второй этаж. Квартира напротив лестницы, нижний звонок, нажать два раза. Смотри не перепутай!

С котенком на руках девочка вылезла из-под куста. Она настороженно оглядела безлюдный двор с парой припаркованных машин, загаженной голубями и семечковой шелухой скамейкой и ржавой металлической горкой у песочницы на детской площадке, а потом торопливо шагнула к дому.

На скрипучей, рассохшейся двери домофона, конечно, не было, как и освещения в подъездном нутре старой развалины, противно пахнущем гнилью и сыростью. Лестницу озарял лишь тусклый уличный свет из потрескавшегося грязного окна. Прислушиваясь в полумраке и вздрагивая от скрипа ветхих ступеней, девочка поднялась на второй этаж и, приподнявшись на цыпочки, аккуратно нажала на пупочку звонка. Два раза, как и велел ей странный говорящий котенок.

В квартире с той стороны раздалось двойное тилибомканье, отчего палец Верочки, как раз собравшейся выключить заглочивший ноут, замер над кнопкой Escape.

Гостей Вера не ждала. Подруг, пожелавших бы посетить ее в этой убогой дыре, куда пришлось переехать после развода и раздела имущества, у нее не было, а с работы ей бы

просто могли позвонить.

Звонок опять настойчиво брякнул два раза, давая понять, что некто за дверью не ошибся и, кем бы ни был неожиданный визитер, ему нужна именно она, Вера Дмитриевна Мухина.

Торопливо выключив ноут, женщина поспешила к двери, моля про себя, чтобы посетитель не нажал на звонок еще раз. Старая и вредно-ядовитая, как сколопендра, бабуся Зинаида Клавдиевна хоть и была глуховата, но могла ненароком услышать и тоже высунуть любопытный нос в коридор. А поскольку Верочка понятия не имела, кто вдруг объявился у нее на пороге этим вечером, то любопытство коммунальной мегеры могло выйти ей боком.

– Здравствуйте, тетя Вера. Можно я у вас папу подожду?

Все, что разглядела открывшая дверь женщина, – это красная курточка и растрепанные светло-русые волосы протиснувшейся мимо нее девочки лет шести. Та целенаправленно прошагала по узкому, заставленному шкафчиками коридору коммуналки и нырнула в приоткрытую дверь Веринной комнаты.

В общем-то, такие просьбы Вера Дмитриевна слышала не раз и не два, поскольку работала молодая женщина нянечкой в детском саду. Садик находился неподалеку от ее дома в просторном дворе, окруженном лет десять назад построенными девятиэтажками.

«Маша Борисова? – гадала она, закрывая дверь. – Но за

ней ни разу папа не приходил, только мама. Или Катя Парамонова из подготовительной, где я два месяца Ольгу Павловну подменяла? Ее, конечно, бабушка тогда забрала, но, может, в этот раз и отец. Надо же, адрес запомнила, только почему ко мне пришла? Сегодня же выходной. Могла же к соседям...»

– Катя, а папа в курсе, что ты будешь у меня? – Вера решила, что это все же Парамонова, поскольку всех детишек из своей постоянной группы она знала, а Катю из той, где была заменой, помнила смутно. Она вошла в комнату и буквально застыла в ужасе.

Девочка стояла в центре помещения, держа в руках и прижимаясь лбом к грязному, явно беспризорному котенку с клочковатой рыже-белой шерстью, и что-то шептала.

– Теперь в курсе. – Малышка и кот повернулись к Вере одновременно. – Он скоро придет и заберет нас. Всех нас.

Молодой женщине показалось, что у обоих чуть светятся желтовато-зеленым глаза, а котенок еще и нагло ухмыляется в усы.

– Только я не Катя. Меня зовут Хиль, Хильденика Полеская. Это мамин род, а про папин мне няня сказать не успела.

Девочку с таким странным именем Верочка припомнить не могла, зато слух зацепило привычное «няня».

– Ольга Павловна? Ты в их группе новенькая? – поспешила она задать вопрос, с содроганием осматривая рыже-белого котенка в руках малышки.

Котов Вера Дмитриевна обожала и периодически подкармливала во дворе, хотя и осознавала, что это неправильно и негигиенично. Однако она даже думать не хотела, что устроит старуха Клавдиевна, если проведает о попавшем к ним в квартиру звере, да еще явно не домашнем, а самом что ни на есть подвальном экземпляре, наверняка кишасщем паразитами. Как минимум месяц мытья с хлоркой всей квартиры Вере обеспечен.

Девочка молчала, словно прислушиваясь к тихонько мяукавшему коту, и Верочка, не дождавшись ответа, решила на всякий случай предупредить малышку по поводу ее животины:

– Думаю, папа не захочет взять с вами котика. Он явно беспризорный и может быть... э-э-э... не совсем здоров.

Хиль озадаченно посмотрела на нее большими чистыми глазами, серыми с желто-зелеными крапушками. Похоже, подобная мысль девочке в голову даже не приходила.

– Я тоже себе не возьму. У моей соседки аллергия на котиков.

Вера покачала головой и покосилась на дверь, прислушавшись, не выползла ли старая мегера из своей норы. Откровенно говоря, аллергия у Зинаиды Клавдиевны была на все: на соседей, на погоду, на новости и вообще на жизнь. Смысл существования древней бабуси заключался в том, чтобы портить жизнь окружающих настолько, насколько у нее хватало сил.

– Папа точно заберет всех. Амур так сказал. – Девочка кивнула Вере на котенка. – Ему некогда будет разбираться, и так сил много уйдет.

Кот посмотрел на Верочку и подмигнул ей правым глазом, а потом скучающе зевнул, показав розовое нёбо, язык и остренькие белые зубки. Затем, вдруг насторожившись, устался в темный угол за шкафом. Глаза его, как показалось Вере Дмитриевне, опять засветились.

Она хотела еще о чем-то спросить девочку, но тут в комнате, пару раз мигнув, погас свет.

Стало жутковато, и Вере казалось, что из темноты кто-то пристально ее разглядывает.

– Это, наверное, пробки. Дом старый, все время вылетают, – стараясь говорить спокойно, произнесла она во тьму. Хиль даже не пискнула, видимо ужасно напугавшись, ведь большинство детей обычно боятся темноты. – Сейчас я на минуточку выйду, и все включится обратно. Только фонарик найду.

Вера шагнула в сторону, где должен стоять стол, и попыталась нащупать лежащий на нем мобильник. Но почему-то стола в том направлении не обнаружилось. Она сделала еще шаг, шаря рукой.

– Это лишнее, – раздался словно бы от двери в комнату мужской голос.

«Сосед, – выдохнула про себя Вера. Никогда еще она не была рада проживающему в их квартире мужику, периоди-

чески уходящему в запой. – Вроде даже трезвый. Наверное, снова пришел занять до получки».

– Паш, это ты? Опять пробки выбило. Включи свет, – попросила она в темноту, обращаясь к мужчине.

Светло стало почти сразу, только освещала помещение не привычная люстра с абажуром из пластиковых висюлек.

На стенах вокруг горели свечи. Множество свечей в каких-то причудливых канделябрах. В их свете Вера видела висящие на стенах картины, которых, как и свечей, в ее доме никогда не было и быть не могло.

Находясь в странном ступоре и ошеломленно рассматривая необычный пейзаж, где у деревьев были сиренево-розовые листья, периферическим зрением Верочка уловила какое-то движение в свою сторону.

Она развернулась и тут увидела его...

Глава 2

Рядом со странной малышкой стоял самый настоящий скелет. Как показалось Вере, это анатомическое пособие для студентов-медиков было механическим. Наряженный в галстук-бабочку и манжеты, костлявый раскланивался и светил глазами-фонариками, что-то при этом говоря на непонятном языке. Девочка его совершенно не боялась и слушала тарбарщину с интересом.

«А может, мне чудится? Какие говорящие скелеты, картины и прочее в моей комнатухе? Хотя девочка эта, Хиль, та же самая или нет?»

Верочка пригляделась к малышке повнимательнее. Красной перепачканной курточки на той уже не имелось. Вместо нее появилось не менее грязное пальто-пелеринка из плотной жатой коричневой ткани с оборочками. На шее на бархатной ленте, завязанной бантом, висел массивный бронзовый медальон. Но в остальном это оставалась та самая девочка, что сегодня звонила ей в дверь.

– А кот, что с ним? – Вера во все глаза уставилась на резко выросшего из мелкого тощего котенка-подростка упитанного взрослого рыжего кота. – Что происх... А-а-а!..

На ее локте крепко сжалась чья-то рука и сильно потянула, заставив развернуться. От неожиданности Верочка испу-

гальса и пронзительно закричала.

– Только нервной барышни мне тут и не хватало... – Симпатичный темноволосый мужчина средних лет чуть поморщился и щелкнул пальцами, отчего девушка замолчала против воли, а губы у нее внезапно склеило, словно суперклеем. Она могла только испуганно хлопать глазами да свободной от мужской хватки рукой ощупывать свой несчастный рот.

– Знаете, я поначалу решил, что вы, барышня, вполне адекватны. Ведь, увидев Эдуарда, вы не завопили, как сельская клуша, но, похоже... – скучающим тоном произнес мужчина, а потом, прервав фразу на середине, повернулся куда-то в сторону и велел: – Патрик, подай сюда кресла и принеси водички для дамы. Ей скоро понадобится. Видите ли, дорогуша, – снова обратился он к Вере Дмитриевне, снизойдя до пояснений, но так не соизволив отпустить ее локоть, – молчанка – очень полезная штука, но у того, на кого ее накладываешь, она вызывает сильную сухость в горле и нестерпимую жажду, когда действие магии прекратится. А мне, как вы понимаете, надо получить ответы на интересующие меня вопросы и решить, что со всеми вами делать.

Его объяснения Верочка почти не слушала, заворуженно смотря, как, цокая косточками ступней по паркету, из полумрака вышел еще один скелет. Он легко, как пушинки, нес два массивных с виду кресла из резного темного дерева с мягкой обивкой из темно-синего бархата. У Веры еще в голове возник вопрос, с помощью чего держатся вместе эти

гладкие белые косточки и как они двигаются, если нет мышц.

Одетый как первый, этот экземпляр поставил свою ношу рядом с ними и, сверкнув зелеными огоньками в глазах, удалился, предварительно почтительно поклонившись.

– Садитесь и постарайтесь вести себя примерно.

С такими словами незнакомец подтолкнул Веру к креслу и уселся сам, при этом поманив пальцем поближе всю остальную компанию.

Хиль подошла к нему без страха, с интересом разглядывая. Приблизившись, девочка сделала небольшой книксен – старомодное полуприседание с легким поклоном, как из исторических фильмов. Кот шел за ней, а потом вальяжно растянулся на полу у ее ног с презрительно-высокомерным выражением на морде. Что до скелета, которого хозяин этого места назвал Эдуардом, то он, процокав вслед за ними, замер за спиной своего господина.

Вцепившись в подлокотники кресла, оказавшегося на удивление удобным, Верочка внутренне немного паниковала. Но в то же время неожиданно проснувшееся в ней жгучее любопытство не давало этому чувству перерасти в банальную истерику. Она уже успела достаточно нахлебаться горестей в свои двадцать с хвостиком и выработала определенную стрессоустойчивость.

«Если я сплю и мне просто приснился сон про пришедшую ко мне девочку или я упала в темноте из-за вырубившихся пробок, ударилась и лежу в отключке, то почему бы

не посмотреть, что еще интересного может выдать мое воображение?» – пыталась как-то логично размышлять она про себя. Версия была бы хороша, но окончательно признать ее верной мешало одно обстоятельство. По руке чуть выше локтя, где ее до этого крепко держал мужчина, расплывались неприятно болезненные ощущения, словно от полученного в результате ушиба синяка.

Незнакомец меж тем вел себя как какой-то злодей из фэнтези. Он сурово нахмурился, с ног до головы оглядел стоящую перед ним Хиль и вдруг с угрозой в голосе напустился на ни в чем не повинного ребенка:

– Значит, кто-то решил сыграть со мной в игру? Очень неразумно. Да еще пожертвовать тобой, девочка. Ты знаешь, что у некромантов не может быть детей? И уж тем более от светлых ведьмочек. Кто ты на самом деле и откуда у тебя мой медальон? Лучше скажи правду! – Вокруг пальцев его поднятой правой руки зловеще закружился черно-зеленоватый дым, как будто мужчина собирался показать ребенку какой-то мистический фокус.

На эти обвинительные слова про ложь щеки Хиль вспыхнули, а глаза гневно сверкнули. Девчушка решительно отстегнула от воротничка пелеринки держащую его булавку и, ни слова не говоря, вонзила ее себе в палец. Потом она прижала его к висящему на шее кругляшу, измазав медальон кровью, и с вызовом уставилась на того, кого считала отцом.

Вспыхнувший от странной штуковины зеленовато-золо-

тистый свет с проскакивающими черными завихрениями окутал ее фигурку, озарив малейшие черточки лица и складочки на одежде. Вера Дмитриевна даже успела заметить упрямо сжатые губы, нахмуренные брови и одинокую слезу, оставившую след на по-детски пухленькой щечке решительной крошки.

Для мрачного мужика, в отличие от Верочки, вся эта странная процедура с последующей диковинной иллюминацией что-то значила. Он даже встал со своего кресла. Но совсем не затем, чтобы утешить ребенка. Присев на корточки, мужчина с улыбкой иезуита предложил Хиль еще одну проверку:

– Если ты все же моя дочь, что, как я сказал, не может быть правдой, то, вероятно, пройдешь и последнее испытание.

Глядя Хиль прямо в глаза, он достал из-за пояса небольшой стилет и резанул себе ладонь. Вера поморщилась, видя, как вдоль разреза набухает густая, почти черная полоска крови.

– Попробуй. Смешай – и я узнаю все твои тайны, даже то, чего ты не помнишь. А еще, если в тебе нет моей тьмы, ты умрешь. Впрочем, не попробовав, тоже умрешь. Так что выбираешь? – Его голос звучал вкрадчиво и жутко.

Верочка содрогнулась от того равнодушия и холода, с которым он объяснял Хиль, что у нее нет выбора.

Сияние вокруг ребенка почти угасло, поскольку, слушая мужчину, палец от медальона она убрала. Угрозы Хиль не

испугали, да и сомнений в своей правоте она не испытывала. Верочке в этот момент даже показалось, что девочка гораздо старше своих шести лет, настолько серьезной была малышка. Она, снова морщась, ковырнула ранку, заставив ее кровить сильнее, и доверчиво сунула свой крошечный пальчик к полоске крови на руке мужчины.

Вокруг в пространстве заискрило так, что у Веры Дмитриевны волосы встали дыбом. По помещению пронесся непонятно откуда взявшийся порыв ветра, разом погасив все свечи и погрузив зал во тьму. А потом, постепенно разгораясь, из темноты возникло лиловое зарево, обрисовавшее мужскую фигуру, выпрямившуюся во весь рост. На руках мужчины держал отливающую золотистым солнышком девочку.

Откуда-то снизу на колени замороженной зрелищем Верочке запрыгнул кот.

– Ну вот. Теперь должно наладиться, – услышала она. Пушистый зверь по-хозяйски разлегся, пару раз деранув когтями ее штаны от спортивного костюма, в котором она обычно ходила дома. – Не зря я пророчество то сочинил. Все же еще могу, не растерял навыков. Что смотришь? Дитя ты папаше вернула. Ну? Вспомнила? О! Вижу, начала соображать. Только не ори сразу, как молчанка спадет. Он мужик вроде нормальный, но некромант. Нянька ему понадобится, но, как ты понимаешь, в этом случае и мертвая вполне подходит. Они, некроманты, народ суровый.

Напугав Верочку, кот ухмыльнулся и успокаивающе по-

хлопал лапой по ее руке.

– Да не трясись ты так, все хорошо будет. Ты, Верунчик, главное, пророчество выполни, а там я тебя домой верну. Всего-то чуть-чуть осталось.

Уши зверя дернулись, он с исследовательским интересом разглядывал сменяющуюся гамму эмоций, которую выражало лицо все еще невольно молчащей женщины.

Пока кошка сообщал Верочке, что именно он основной виновник ее злоключений, на стенах опять стали загораться свечи, повинувшись хозяину этого места. Сам некромант, перестав светиться, опустился обратно в кресло, стоящее напротив кресла Веры Дмитриевны. Правда, выглядел он сейчас не таким хмуро-зловещим. Возможно, оттого, что у него на коленях, крепко вцепившись в белую рубашку наконец обретенного отца и счастливо улыбаясь, сидела маленькая Хиль.

– Меня зовут Азрайт Морбейн, я некромант. Вы уже, думаю, осознали, что находитесь совсем в другом мире? Будем считать, что пока вы у меня в гостях. А дальше посмотрим... – Его карие глаза с прищуром оглядели Верочку с головы до пят так пристально, что она невольно поджала под кресло ноги в пушистых розовых тапках с помпонами.

– Все, что мне надо знать про случившуюся с вами историю, я уже знаю. И вашу, Вера Дмитриевна, и ту, которую затеяло вон то наглое существо, притворяющееся спящим котом, что устроилось на ваших коленях. Он ведь уже что-то вам рассказал? Я же, как до этого совершенно честно сооб-

щил дочери, при слиянии крови получил от нее всю информацию, какую Хиль когда-либо знала или даже мельком слышала. Пророчество забытого божка, который вознамерился вернуть свое величие. Надо же...

Насмешка в голосе господина Морбейна прозвучала так явно, что рыжий кошак, которого Вера, несмотря ни на что, так и не рискнула стряхнуть с коленей, немедленно встопорщил шерсть. Зверь соскочил на пол и раздраженно зашипел в ответ некроманту:

– И что в этом плохого? А? Я, между прочим, помог тебе, спас твоего единственного ребенка. Которого у некромантов еще и быть не может, по твоим заверениям! К Вере привел. Знаешь, что могли в чужом мире с ней сделать? А в этом? Да, пророчество устроил, руководствуясь своими интересами, но кому от этого хуже? Явно не тебе, некромант.

Пока наглый комок рыжего меха качал права, Вера Дмитриевна почувствовала, что губы наконец расклеиваются и она может открыть рот. Пить хотелось нестерпимо, а в горле возникло ощущение начинающейся ангины. Рядом на странной крошечной подставке из кружка и высокой ножки стоял стакан с водой, о котором загодя позаботился маг, наложивший на нее заклинание. Схватив его, Верочка в несколько торопливых глотков выпила вожаделенную жидкость и внешне разозлилась. Вопли кота о том, что всем теперь станет замечательно, задели ее за живое.

– Что значит «кому хуже»? Мне! Я очутилась непонятно

где, в непонятно каком статусе. Дома меня будут искать и не найдут. А что потом? С работы уволят, признают умершей и я последнего жилья лишусь? Кто давал вам право распоряжаться моей жизнью?

У Верочки затряслись руки и по спине стекла струйка холодного пота. Она только сейчас в какой-то мере начала осознавать, во что ненароком вляпалась.

– Почему я вообще обязана выполнять какие-то дурацкие пророчества? Зачем вы меня во все это впутали? Почему я?

Отвечать на ее вопросы никто не торопился. Некроманту и его дочери ответить на этот крик души было попросту нечего, а кот...

Кот многое мог сказать.

За что? За доброту и сострадание, чистую душу и золотое сердце. Если бы он мог объяснить, что это испытание дарует ей ту награду, о которой она мечтала всем сердцем, Вера бы вряд ли ему поверила.

Как и не поверила бы, что знакомы они давно. Уже лет пять. Он ведь выбрал ее не просто так.

Тогда, в теплый день только начавшегося лета, на узкой аллее городского парка подле лавочки валялся привязанный к ней за шею кот. Пьяные подростки решили поразвлечься, приманив голодное животное на остатки шпрот, замотали его в пакет и, гогоча, закрутили в проволоку. Пакет он разорвал, а вот проволока в пластиковой изоляции надежно удерживала его у ножки скамьи, выполняя роль и поводка,

и удавки.

Все шли мимо, и лишь заплаканная худенькая девушка в легком платье с потертым чемоданчиком в руке заметила несчастное животное.

Так состоялась первая встреча Веры и Амура. Тогда он был черным и, к несчастью, слишком самоуверенным для бродячего кота.

Глава 3

Даже напомни кот женщине сейчас о той судьбоносной встрече, сути это не меняло. Своему попаданию в непонятный мир Вера Дмитриевна точно не обрадовалась, что и озвучила всем собравшимся возмущенным и весьма категоричным тоном.

К тому же хозяин дома, где она очутилась, хоть и был внешне очень интересным мужчиной, но по факту сейчас сильно ей не нравился.

С точки зрения Верочки, некромант был слишком подозрительным, холодным и равнодушным типом. Дочь он, конечно, признал и вроде как решил о ней позаботиться, только разве место малышке в этом мрачном доме с бродящими вокруг скелетами вместо живых людей?

Девочка, кстати, на диво быстро адаптировалась ко всему, как большинство детей в ее возрасте.

– Папа, а тетя Вера ведь с нами останется? Да? Ей же некуда идти, а домой не попасть, – с детской непосредственностью поинтересовалась Хиль, доверчиво прильнув к задумавшемуся о чем-то отцу. – А те дяди куда делись? Которые за мной гнались, когда я к тебе бежала. И няня... Меня ведь у тебя не заберут?

В голосе малышки проскользнули тревожные нотки.

– Не заберут, – коротко ответил новоиспеченный папаша, проигнорировав вопрос про упомянутую няню и машинально погладив дочь по голове. Движение вышло неловким с непривычки и каким-то скованным. – Тетя Вера, конечно, останется у нас.

Его такое уверенное утверждение Веру Дмитриевну откровенно возмутило.

– А меня вы спросить не хотите?

Понимая, что положение у нее сейчас более чем шаткое, смолчать она почему-то не смогла. Очень неприятно чувствовать, что тобой играют в какую-то странную игру, не объяснив правила и уж тем более не спросив, хочешь ли ты играть. Сначала кот, возомнивший себя богом, теперь этот мрачный маг.

– Нет, – отрезал мужчина, посмотрев на нее долгим, пристальным взглядом, от которого Верочку бросило в дрожь. – Домой вы попасть все равно не сможете. Впрочем, я вас не держу. Что, по-вашему, ожидает вас за порогом моего дома? Вы действительно настолько глупы и наивны, что вообразили себя чем-то ценным? Человек, не маг, чужачка. Легкая добыча для любого, кого вы встретите. И поверьте, лучше бы это был просто голодный хищник, они гораздо милосерднее людей.

По его губам скользнула тень усмешки.

– Все еще хотите уйти?

Вера Дмитриевна сникла, понимая, что он прав. В голове

настойчиво билась противная мысль об условиях, на которых она останется в этом доме. Соображения эти только сейчас пришли ей в голову, и озвучить их некроманту Верочка опасалась, боясь, что хозяин дома просто посмеется над ней. Как он только что сказал, какие могут быть условия у того, кто здесь никто?

Хиль меж тем эти взрослые душещипательные моменты совсем не волновали. Уставшая девчушка зевнула, потерла глаза кулачком, а в ее животе негромко заурчало.

– Господи! Малышка голодная, и ей давно пора спать. – Вера сама не поняла, как подскочила с кресла. – Вы, господин Морбейн, похоже, представления не имеете, что с ней делать. Потому смею надеяться, что я на данный момент лично для вас хоть какую-то ценность представляю! Я вам нужна. Поэтому мне хотелось бы рассчитывать, что вы предоставите мне отдельную комнату, одежду и еду, а в качестве оплаты прошу найти способ вернуть меня домой. Я же, в свою очередь...

Азрайт, не дав ей договорить, встал, держа дочь на руках. – Для начала предлагаю вам поужинать. Условия же вашего пребывания здесь, так же как и мои обязательства и ваши обязанности, мы обговорим позже.

Давая понять, что разговор на сейчас окончен, он решительно развернулся и пошел к двери, велев Вере идти следом.

Для собственного успокоения подхватив на руки увеси-

стую тушку рыжего кота как игрушку-антистресс и погрузив пальцы в пушистый мех, Верочка торопливо двинулась за ним. Стук костей за спиной, производимый скелетами, которые их сопровождали, сильно ее нервировал. Да и, откровенно говоря, вся атмосфера старинного особняка, где проживал некромант, была безрадостной и гнетущей. Темные стены, тяжелые задернутые портьеры, мрачные картины в массивных рамах и свечи.

«Столько свечей. Он совсем пожара не боится? Почему именно они? При наличии магии могли бы что-нибудь лучше придумать», – размышляла Верочка, посматривая по сторонам. При всем при этом она не могла не отметить, что, несмотря на общую картину, производящую тягостное впечатление, интерьеры отражали хороший вкус и состоятельность владельца особняка.

Столовая, куда они пришли, мало отличалась от остальных помещений. Резная мебель темного дерева, до блеска отполированный стол. Даже посуда была темная, черненого серебра с выгравированным орнаментом из каких-то веточек и листиков. Не говоря уж о салфетках. Нет, не черных, как сначала показалось Вере Дмитриевне в полумраке, а темно-зеленых.

Ну и в довершение ко всему еду им подавали те же скелеты, что не способствовало Верочкиному аппетиту. Бедной женщине кусок в горло не лез, в отличие от всей остальной компании. Некромант привык. Маленькой Хиль было все

равно. Она хотела кушать и спать, а ходячие косточки, увенчанные черепушками, девочка, видимо, воспринимала как своеобразных кукол. Кот просто ничем, кроме еды, не интересовался.

Вере же при виде того, как костлявые пальчики одного из слуг Морбейна ловко разрезают ножом жаркое, стало неудобно.

«Надо просто привыкнуть, – уговаривала себя она. – Главное – ребенок».

Самих скелетов она не боялась, но воспринимать их как нормальный персонал ее мозг пока отказывался наотрез.

«Он бы их хоть одел, что ли. И судя по именам, это скелеты-мужчины. Интересно, костяные дамы тут тоже встречаются?» – размышляла она, вяло ковыряясь в тарелке и поглядывая на Хиль.

Девочка, похоже, наелась и уже клевала носом. Ее мрачный отец методично ел, словно в его жизни ничего не менялось. Казалось, господин Морбейн забыл про то, что он больше не один.

Только все было совсем не так.

Некроманта захватили воспоминания. О тех мгновениях дней минувших, что привели к сегодняшним незаурядным событиям.

Уже тогда он являлся одним из лучших, блестящий аспирант, любимчик прекрасной леди Смерть, чье имя некроманты произносят с благоговением, а остальные не очень ум-

ные и невежественные люди – с суеверным страхом.

Но молодость никто не отменял. Интрижки в Серой магической академии на границе темных и светлых земель случались нередко. Особенно перед выпускными экзаменами. Магичкам, чтобы увеличить свои силы, требовалась инициация – и светлым, и темным. Способов имелось достаточно, но, конечно, самым надежным было лишение невинности с сильным магом.

У некромантов детей не бывает. Это догма. Светлых магичек Азрайт терпеть не мог и крутил шашни только с темными. Однако вот мимо одной не смог пройти. Светлую адептку выпускного курса звали Ювелика Полесская, и она была не магичка, а именно ведьмочка. Слабосилок, как презрительно отзывались о таких маги, что, с точки зрения некроманта, в очередной раз свидетельствовало об их недалекости и снобизме.

Любой темный с пеленок знает, что ведьмы, вне зависимости от цвета дара, черпают силы из окружающего мира, в отличие от магов, использующих энергетические магические потоки. Перекрой магу доступ к потокам – и он станет никем, а перекрыть силу ведьме невозможно, она везде, это сама жизнь. Ведьму можно только убить. Некроманты понимали это, как никто другой. Их сила была почти сродни ведьминской, поскольку смерть, как и жизнь, – составляющая всех миров.

Ювелика вскружила голову Азрайту не кокетством, не

прямотой, с которой действовали иногда охотницы за дополнительной силой, уговаривая мужчину провести с ними ночь. От этой хрупкой светлой ведьмочки исходило молчаливое обожание. Не его силы или мастерства, нет, именно его самого, Азрайта Морбейна. Ювелика просто полюбила его, хотя не имела на это права. Только любовь, как и смерть, не знает границ, и ей плевать на законы и дурацкие правила, которые выдумывают себе странные люди.

Сам Морбейн не был влюблен, но ему несомненно льстило такое чувство. Потому он, считая, что делает одолжение девушке, предложил ей инициацию вопреки своим тогдашним принципам не связываться со светлыми.

Мужчине казалось, что все как обычно. Что такое одна ночь? Только не учел он одного, да и Ювелика знать этого не могла. Влюбленная девушка не думала о том, что он некромант, но хорошо понимала: так близки, как сейчас, они не будут никогда. Она изо всех сил пыталась, что называется, остановить мгновение, сбересть в памяти все возможное. Но Ювелика была светлая ведьма, и не просто светлая, а та, которая любит. Поэтому жизненная сила, которую девушка вбирала из окружающего мира под воздействием этого чувства, получила вполне целенаправленное направление «сохранить хоть частичку». У природы нет чувства юмора, стихии все воспринимают буквально.

Азрайт помнил тот момент, когда что-то пошло не так. Вспышка от слияния сил была такой, что в его комнате не

осталось ничего целого в радиусе метра от их ложа. Все просто рассыпалось трухой от силы некроманта, которая рванула навстречу свету партнерши. Сразу после этого все зазеленело: камни покрывались мхом и прорастали стебельками травы. А маленькие, похожие на монетки желтенькие грибочки-поганки расцветили этот живой ковер крошечными шляпками.

В память об их близости Морбейн даже отдал девушке свой медальон. Лишь безделушка, слабенький артефакт, который он сам когда-то изготовил, ничего ценного, просто первый из многих, оставленный им как сувенир. Сейчас он сыграл свою роль, а тогда казался просто сентиментальным подарком, безделушкой на память.

Единственное, что после расставания позволил себе Азрайт, – это полюбопытствовать о результатах ее выпускных экзаменов. Они были общедоступны для всех интересующихся. Руководство Серой академии считало, что это дает толчок остальным учиться лучше – здоровая конкуренция или просто зависть к успешным.

Помнится, тогда он совсем ничего не понял. В огромном, постоянно обновляемом талмуде на последних страницах напротив имени Ювелики стоял знак схлопнутого дара. Словно после инициации его зачем-то запечатали в девушке, признав опасным.

Такое, несомненно, бывало с магами, но лишь по приговору суда. Или магию запечатывали, позволяя человеку жить

обычной жизнью, или ее лишали, обрекая на медленную мучительную смерть. Извлекая все до последней крупички в родовое хранилище преступника, чтобы потом передать более достойным по решению совета глав семейства.

Суд в академии не проходил, иначе Морбейн был бы в курсе. Это было публичное мероприятие с обязательным общим сбором, так сказать в назидание.

Азрайт сейчас корил себя за то, что тогда даже не попытался найти Ювелику. Некроманту и в голову не пришло, что у женщин может произойти заукливание дара, когда организм начинает готовиться к зарождению новой жизни.

И наставникам, принимавшим у адептки Полесской экзамен, не пришло, ведь такое случалось в мире всего несколько раз у супругов с очень сильной и полярной магией. Никто не пытался связать этот случай с прецедентами столетней давности из энциклопедий по магическому врачеванию потоков, тем более что в тех парах это наблюдалось как истончение, а не окончательное закрытие каналов и излечивалось с помощью второго супруга.

– Ведьма перенапряглась, готовясь к экзамену, – был их вердикт. – Пересушила каналы связи с миром, выжгла каким-то выбросом.

Ювелика уехала домой к недовольной ее выпуском семье. Все остальное, точнее тот кусочек, который поведала их дочери старая нянька, Азрайт узнал в результате ритуала признания крови и слияния тьмы.

Он холодно и расчетливо раскладывал в голове по полочкам, какие шаги следует предпринять, чтобы оградить свое нечаянное дитя от светлых родственничков, претендующих на еще не пробудившийся дар девочки.

«Сволочи. – Он методично пережевывал поданную ему еду. – Они заранее объявили кроху опасной и темной, не дожидаясь проявления дара. Наверняка и слабосилка какого-нибудь выбрали, твари, чтобы выкачать в него ее магию».

Будучи некромантом, да и вообще темным, о методах насильственного отъема магического дара Морбейн прекрасно знал, да светлые и сами осведомили его о том, что ждало Хиль. Мелкий напыщенный тип из попавших на его территорию преследователей, визжа перед смертью от ужаса, успел проорать достаточно, чтобы сейчас, вспоминая его слова, хотелось стереть из мира живых весь род Полесских.

Вилка и нож потускнели и осыпались крошечками в его руках. Азрайт не видел, как стоящий за его стулом Эдуард отшатнулся, поспешив отдалиться от хозяина. Все слуги хоть и были мертвыми, но имели какую-то долю сознания и инстинкт самосохранения, тупых исполнителей некромант не любил.

– Послушайте! Эй, господин Морбейн! Прекратите всех пугать, – услышал он женский голос и не сразу сообразил, кто так нагло пытается от него что-то требовать. – Хиль уже в тарелку носом клюет. Надо уложить ее спать. Где комната девочки?

Хиль! Имя дочери встряхнуло мозги и прояснило мысли.

«Комната и все прочее для ребенка. Нянька из другого мира, — сообразил некромант, поднимая глаза от испорченных приборов и фокусируя взгляд на чуть испуганной, но решительно сжавшей губы в неодобрительную гримаску молодой женщине. — Еще вон и то рыжее недоразумение с его дурацким пророчеством и наглыми амбициями...»

— Что ж... э-э-э... Вера Дмитриевна, — чуть замешкавшись, вспомнил он ее имя, — как вы понимаете, я не был готов и не очень в этом разбираюсь. Думаю, пока вам вместе с Хиль придется пожить в моей комнате. Я могу ночевать в лаборатории или кабинете. Завтра мы обсудим, что нужно ребенку.

Дочь и правда, наевшись, почти засыпала, осоловело тараща глазенки. На пухлой щечке прилипли крошки от хлеба, маленькие пальчики обводили завиток на скатерти, вышитый серебристым шелком.

Пронзительная нежность, которой он даже в себе не подозревал, болезненно отозвалась в сердце.

Глава 4

– Вот. Думаю, на время сойдет. Здесь вполне комфортно. За той дверью... м-м-м... удобства. – Широким жестом обведя собственную комнату, Азрайт шагнул к шкафу в углу, торопливо выудил несколько предметов гардероба. – Я соберу кое-какие вещи, которые могут мне завтра понадобиться, и оставлю вас. Кровать достаточно широкая, и вы с Хиль сможете спать тут вдвоем.

Пожалуй, удобства и комфорта Вере с малышкой здесь и правда хватало, но, по мнению женщины, только на время, на пару дней. Как и весь мрачный особняк, эта холостяцкая спальня некроманта совершенно не подходила для маленького ребенка. Чего стоила одна прикроватная лампа. Явно дорогую, поблескивающую самоцветами безделушку украшали крошечные золотые черепа с рубиновыми вставками в глазницах, а ее изогнутое основание было выполнено в виде косы с черной лакированной рукоятью и красной эмалью по краю лезвия, с которого свешивались на тончайших нитях светящиеся капли, явно изображающие кровь.

– Брр... – Веру Дмитриевну внутренне передернуло от такой прелести.

«Специфика профессии – с этим, конечно, ничего не поделать, но зачем тащить некромантские символы в спаль-

ню?» – размышляла она, помогая сонной девочке снять платье и грязные поношенные ботиночки.

Пальто-пелеринку Хиль сбросила еще раньше, в столовой, и одежду забрал кто-то из костлявой некромантской прислуги. Различать, как сам хозяин, одинаковых скелетиков Вера не могла.

Какой-то из них сейчас как раз расправлял постель, по приказу Азрайта меняя белье на свежее, такое же черное и шелковое, как было до этого.

Не успела на толстую перину лечь чистая простыня, как на кровать одним прыжком запрыгнул кот и начал там гнеститься с такой наглой бесцеремонностью, что Вера не выдержала.

– Тут ты спать не будешь! – Крепко ухватив паршивца за шкуру, она сердито встряхнула поджавшего хвост и уши Амура, не ожидавшего от нее такого демарша. – Неизвестно, где твоя мохнатая тушка до этого лазила и каких паразитов нахватала. Да и вымытому – а я тебя для начала отмою – тоже не следует ползти в кровать. Поспишь вон хотя бы на кресле, а потом придумаем тебе место.

– Уау! – Возмущению очухавшегося пушистого божества не было предела. – Верни меня на место, женщина! Я буду спать там, где хочу! Я бог.

А-а-амц. Клычки клацнули, когда его увесистое, махающее когтистыми лапами тельце крепко перехватила у Веры Дмитриевны магия некроманта и подвесила в перелива-

ющеюся всполохами сетке, словно диковинную елочную игрушку.

– Я оставлю тебя в своем доме и не вышвырну на улицу только потому, что ты помог мне обрести дочь.

Голос господина Морбейна звучал холодно и равнодушно. Котище скалил зубы в магической ловушке, вертелся, драл ее когтями и шипел, однако без толку. Сеть даже звуки наружу не пропускала, но, по-видимому, все, что говорил маг, в ней было слышно, иначе некромант не стал бы объяснять наглецу правила поведения в своем жилище.

– Твое дальнейшее пребывание здесь под моей защитой – а ты, поверь мне на слово, в ней нуждаешься – обусловлено только хорошим отношением к тебе Хиль и Веры Дмитриевны. Стоит им решить, что от тебя больше беспокойства, чем пользы, и я велю вышвырнуть тебя вон. Поверь, это милосерднее, чем то, что проделали бы с тобой другие, ведь и из божественной сущности можно выкачать силу...

После этих слов Амур затих. Глаза кота стали огромными, а сам он сжался в комок. Видимо, ранее самоуверенному животному даже в голову не приходило, что в этом мире без покровителя и убежища он сам подвергается опасности и может стать объектом охоты.

Закончив с воспитанием мохнатого, Азрайт развеял заклинание над креслом, отчего тушка кота с приглушенным мявком шлепнулась на мягкое сиденье.

Хиль уже спала, свернувшись на кровати, куда ее уложила

Вера Дмитриевна, пока некромант запугивал кота. Под платьем у ребенка обнаружилась полотняная сорочка, не очень свежая и местами штопанная, но хоть какое-то подобие ночной рубашки, а вот у самой Верочки ничего подобного и в помине не было. Все ее имущество составляли серые спортивные штаны, розовые пушистые тапки и растянутая футболка с изображением капибары. На роль ночнушки футболка не годилась, будучи лишь чуть ниже талии.

Пока Верочка раздумывала, стоит ли попросить у хозяина спальни какую-нибудь рубашку, или это будет не совсем прилично, мужчина, решив, что сделал все требуемое, вышел, забрав с собой слугу. Дверь за ним закрылась, и Вера Дмитриевна тихонько опустила на краешек кровати.

«Одежда у меня, допустим, домашняя, чистая, – размышляла она про себя. – Тут совсем не жарко, да и, наверное, завтра нам с Хиль какую-нибудь одежду выдадут. Буду спать как есть, только надо еще осмотреть упомянутые удобства. Надеюсь, там не ночной горшок и лохань вместо ванны, хотя, учитывая свечи, вполне может быть и такое».

Нахохлившийся, как несушка на гнезде, котище мрачно наблюдал за ее раздумьями из выделенного ему кресла и молчал.

– Послушай, – Вера Дмитриевна первая решила пойти с ним на мировую, – давай не доставлять друг другу проблем. Ты же и правда неизвестно где своим мехом обтирался, а здесь ребенок.

– Не вижу логики, – фыркнул кот. – Девчонка меня к тебе притащила на руках, сама ты меня сюда тоже несла, а тут вдруг грязный. Тыфу! Чистоплюйка. И еще за шкуру! Меня-а-а...

Шерсть на его загривке опять вздыбилась.

– Хиль потом руки ополаскивала в столовой, я надеюсь сейчас помыться или хотя бы руки помыть. А кровать не место для животных. Чем тебя кресло не устраивает? И вообще, если надо исполнить твое пророчество, то лучше держаться вместе, помогать друг другу. Главное, как я поняла, счастье и безопасность девочки.

– Пф-ф-ф... – Зверюга фыркнул в усы. – Но мыть себя не дам! Учти! Я при переходе в этот мир вполне очистился. И хватать так за шкуру больше не смей!

Они кивнули друг другу, подтвердив это мирное соглашение. Амур свернулся в клубок, а Вера Дмитриевна, нерешительно потоптавшись перед дверью предполагаемого санузла, рискнула наконец его посетить.

– Слава богу, – выдохнула она от облегчения, рассмотрев почти знакомый интерьер, для разнообразия не черный, а темно-синий с серебром. Лохани и ночного горшка не наблюдалось. Имелась конструкция, похожая на креслице, с постаментом вместо ножек, и огромная серебряная ванна. Над последней висела леечка, с которой свешивался шнурок с ручкой. Рядом в уголке над серебряным же тазиком пристроился ручной мойник.

– Конечно, не так, как у нас, но лучше, чем я думала.

Правда, с принятием душа вышел конфуз. Встав под лейку и потянув за веревочку, Вера активировала поток льющейся сверху воды, но даже подумать не могла, что та окажется холоднющей.

С визгом выскочив обратно и стуча зубами от холода, она наспех обтерлась и снова влезла в свои вещи.

Вернувшись в спальню, Верочка поняла, что, похоже, ее вопля никто не слышал. На цыпочках, чтобы не разбудить Хиль, она подкралась к ложу и завернулась в покрывало, взяв его с прикроватного сундука. Под одеяло к ребенку такой ледышкой лезть не рискнула.

Сон навалился мгновенно, как только Вера согрелась, а вот бывший бог вдруг беспокойно завозился и встревоженно сел. Он чувал огромное количество магии, совсем рядом, там, где секунду назад ее еще и в помине не было. Жутковатая и совершенно чуждая ему сила расползалась по особняку некроманта и давила на Амура, заставляя чувствовать себя ничтожной песчинкой.

«Похоже, у хозяина гость, и лучше бы он о нас не узнал», – подумал кот, памятуя о том, что его магия может оказаться для кого-то лакомым кусочком.

На этот раз он во всем ошибался. Азрайта Морбейна навестил совсем не гость, да и в божественных остатках магических сил Амура посетитель не нуждался.

Это была гостья, которая появилась здесь не просто так.

Ее сюда пригласили как раз по поводу их маленькой компании.

Когда она появилась, мужчина встал из кресла у камина, где до этого пытался определиться со своими планами. Все прежние пошли прахом, после того как он почуял зов своей крови.

– Моя леди... – Поклон в его исполнении был преисполнен достоинства, выражая не просто дань вежливости, а уважение и почитание. – Я очень рад, что вы снизошли до беседы со мной так скоро.

Высокая стройная дама в белоснежном струящемся платье из нескольких слоев тонкой полупрозрачной ткани небрежно отмахнулась.

– Не надо высокопарностей, Азрайт, ты всегда был моим любимчиком. – С этими словами Смерть – а это была именно она – прошла ко второму креслу и изящно опустилась в него, любуясь всполохами огня в камине. – К тому же произошедшее наконец-то расшевелит эту клоаку застоявшихся догм и предубеждений, потворствующих искажению понятий. Свет и тьма, добро и зло. Люди всегда дают всему удобное для себя толкование, особенно когда надо разделить, очернить и под знаменами добродетели причинить кому-то неприятности, получив при этом выгоду.

– Выходит, сведения о неспособности некромантов иметь детей распространяли специально? – нахмурился хозяин дома, собственноручно наполняя бокал для дамы. Слуг на этой

приватной встрече не было, поскольку сила его гостии могла непредвиденным образом отразиться на их состоянии.

Тихий смех, раздавшийся в тишине его кабинета, прозвучал словно легкий перестук множества тоненьких костяных пластиночек на ветру. Мелодичный и ненавязчивый, как от ритуальных воздушных каами, развешиваемых у ворот кладбища или семейных склепов для предостережения, что не стоит тревожить покой их обитателей.

– Азрайт, некромантия – это дар, и мужчина при этом не перестает быть тем, кем родился. Просто вы слишком сильны и, скажем так, специфичны. Чем могущественнее маг в нашем мире, тем меньше у него шансов найти партнера, которого его сила признает достойным. Еще ниже вероятность, что женщина сможет выносить это дитя и остаться в живых.

Смерть небрежно отпила из поданного бокала темно-сливовую жидкость и, покачивая резной хрусталь за тонкую ножку, залюбовалась игрой ярких бликов на его причудливо узорчатых гранях.

– Ювелика умерла по моей вине? Ведь...

Договорить вскочившему со своего кресла мужчине не дали. Легкое раздражение от его слов вылилось в огненную вспышку от завихрившейся силы и облако пепла от мгновенно прогоревших дров. Камин потух. Повинуясь жесту хозяйки, на стенах загорелись свечи, а Смерть, посмотрев куда-то в сторону, велела ему не делать поспешных выводов, которые обычно и приводят к подобному.

– Ювелика была очень сильной ведьмой, но наивной и верящей во всякую чушь. Поняв, что беременна, она решила, что такое чудо нуждается в великой жертве. Вместо того чтобы разыскать тебя, девчонка направила все свои силы вашей дочери. Это, кстати, вначале спасло ей жизнь, но и убило одновременно.

Азрайт Морбейн, не в силах послушаться великую госпожу, сел, но вся его напряженная поза и побелевшие костяшки пальцев, вцепившихся в подлокотники, выражали такую сильную бурю чувств, какой некромант никогда прежде не испытывал.

– Они могли?... – Он чувствовал, как в груди разгорается пожар гнева и ненависти. – Хотя если они собирались так поступить с Хиль...

– Могли. А что ты хотел? Дочь, закончив академию, вернулась со схлопнувшимся даром и беременная. Бесплезная девчонка, которая испортила все их планы. Не подцепила достойного жениха во время учебы, не инициировалась так, чтобы увеличить силы, и даже выгодно выдать ее замуж оказалось невозможно в ее положении. Какой позор для клана. Если бы можно было вытянуть из нее магию... но, как ты помнишь, Ювелика была ведьмой. При попытке проведения такого ритуала половину светлых земель ждали бы катаклизмы похлеще обычной засухи или весенних разливов. Патриархи заперли ее с нянькой, не имеющей магического дара, и стали ждать рождения ребенка.

– Они убили ее потом? – Азрайта душили слезы. Нет, он не любил светлую, но воспоминания о той, что любила его, отдав всю свою нежность и ничего не требуя взамен, а потом жила в кошмаре разбитых иллюзий, пытаясь спасти их дочь, прямо-таки разрывали его душу на куски.

– Нет. Ювелика просто выгорела. Родив, она стала обычной женщиной, здоровье не выдержало. Лекарей ей не прислали. В вашу академию посылали детей лишь высшие светлые маги, а они давно уже утратили понятия любви и чести. Только расчет, только положение имеет значимость. Ювелика была другой, потому что ведьминский дар давал ей возможность впитывать знания и чувства мира. Она не могла быть как они. Мага воспитать можно, ведьму нет. И не равный всех светлых под одну гребенку, не совершай ошибки. Все всегда очень индивидуально, и именно привычка людей все сглаживать и уравнивать приводит к тому, что страдают невинные, злодеи уходят от ответа, а кругом считают, что у некромантов не может быть детей. Лучше позаботься о дочери, и, кстати...

Женщина усмехнулась и поднялась, давая понять, что на сегодня ее визит завершен.

– Думаю, тебе стоит успокоиться и заняться другими делами. Например, разобраться, какую пользу принесет тебе и твоему ребенку это недоразумение, когда-то отвечавшее за внезапно вспыхнувшие чувства.

Смерть исчезла, растаяв, словно туманное пятно, а на ко-

лени некроманта, выпучив глаза и выпустив когти, свалился
взъерошенный рыжий ком теплого меха.

Глава 5

Обо всех этих вечерних, а затем и ночных происшествиях, беседах и договоренностях Верочка, разумеется, была не в курсе.

Не знала она и того, что из перетрусившего на тот момент котищи Азрайт Морбейн вытряс многое: не только собственные злключения Амура, но и историю самой Веры, а также рассказ Хиль о ее жизни и бегстве, о чем малышка поведала коту, очутившись на Земле.

Возможно, это бы ничего и не значило, в жизни Верочки не имелось никаких грязных тайн и подлых поступков, но одну вещь она бы никому не хотела рассказывать. Ту, что стала причиной ее страданий, развода с обожаемым мужем, выкинувшим ее из дома, как шелудивую собачонку, напоследок наговорив гадостей. Ту, что надломила ее и почти лишила смысла жизни.

Приговор, озвученный консилиумом собравших Вадимом врачей, был страшен: бесплодие.

Любимый муж, до этого ободрявший ее и уверявший, что все лечится, охладел моментально, словно никогда и не любил. Потом, анализируя произошедшее, Вера поняла, что просто была удобна мужчине. Беззаветно преданная, обожающая, бежавшая на его зов выполнять любую просьбу, заме-

нившая ему кухарку и домработницу, она стала просто идеальным гаджетом, к тому же обходившимся ему на диво дешево.

Вадим Кречет не любил впустую тратить деньги. Вера же не походила на силиконовых алчных охотниц за состоятельным мальчиком. Нет, не олигархом, но достаточно обеспеченным менеджером в преуспевающей компании. Все, чего он хотел, – это чтобы супруга прилично выглядела, смотрела ему в рот и как можно меньше тратила на себя, при этом обслуживая его по высшему разряду. Верочка соответствовала всем критериям. Вдобавок, не получив другого образования, кроме средней школы, была сиротой, что автоматически исключало родственников со стороны жены и давало мужчине полную власть над ней.

За душой у девчонки имелась только комнатуха в коммуналке развалившегося старого дома, и потому наш «прынец» показался для наивной Мухиной просто даром с небес. К тому же Вадиму бонусом досталась ее невинность, что грело эгоистичную душу Кречета несколько лет. Все бы было хорошо, но потом Вадим решил, что пора задуматься о наследнике. Ему светило повышение, да и возраст самый подходящий. Вера, по его мнению, стала бы идеальной матерью под его чутким руководством. Стала бы...

Все это девушка и рассказала на приснопамятной скамейке в парке Амуру, всхлипывая и глядя взъерошенную шерсть. В тот день божок, воплотившийся в черного кота,

удрал от хозяев, собравшихся лишить его бубенчиков. Освободив пленника, Вера напоила его и попыталась покормить заветренным бутербродом, завернутым в пакет.

Что кто-то, кроме нее, может поведать это Азрайту Морбейну, она даже не предполагала и уж тем более не собиралась сама добровольно откровенничать с мрачным хозяином дома, от милости которого сейчас зависела ее судьба.

Проснувшись Вера Дмитриевна оттого, что теплые детские пальчики аккуратно расправляли на подушке ее распущенные волосы. Робкая улыбка Хиль была первым, что увидела Вера, открыв глаза, и это было настолько неожиданно, что она прослезилась от умиления и нежности, невольно встретив девочку.

– Тетя Вера? Я сделала что-то не то? Я только погладила ваши волосы. Они такие красивые, почти как были у мамы. Я видела... на портрете. – Малышка печально вздохнула. – Я больше не буду, если вам не нравится. Жаль, что вы их все время прячете в странный колобок.

Колобком Хиль назвала небрежную гульку, в которую Вера закручивала свою шевелюру, чтобы та не мешала ей заниматься делами. На какие-то прически не хватало ни времени, ни желания, а обрезать светло-каштановые густые локоны было жаль.

– Нет-нет, бусинка. Гладь сколько хочешь, – поспешила успокоить Вера расстроенного ребенка. – Я даже научу тебя заплетать косички, и ты сможешь делать мне прически, если

пожелаешь.

– Правда? – обрадовалась девочка, удобно устраиваясь рядом на подушке и снова начиная перебирать Верины волосы. – А почему тогда ты плакала?

– Это от неожиданности и счастья, что с нами все хорошо, – не зная, что еще сказать, выпалила Вера, заодно пытаюсь сообразить, как умыть ребенка, где раздобыть одежду и когда их позовут к завтраку.

А еще она, к своей досаде, бегло оглядев помещение, не обнаружила рыжего прохиндея, у которого хотела спросить про все это в надежде получить совет. Видимо, кот решил озаботиться своим пропитанием и отправился на поиски оного. Другой причины для него покинуть уютную лежанку из кресла Верочка придумать не могла.

«Раз спросить не у кого, значит, придется разбираться самой», – недолго думая, решила она.

– Хиль, надо умыться и пойти поискать папу или кого-нибудь еще, кто может нас накормить, – предложила она девочке.

Малышка с готовностью кинулась надевать сложенное на стульчике платье, а Вера с грустью осмотрела свой единственный наряд. Спортивки и футболка, после того как она в них спала, вид имели не очень симпатичный. Радовали только тапочки. Во-первых, в них было тепло и комфортно, а во-вторых, в этом месте они выделялись единственным ярким пятном.

Хиль с завистью посматривала на них, натягивая свои поношенные ботики.

«Безобразие, конечно, так мрачно одевать ребенка. Надо бы что-то повеселее и удобное, а то это платье совсем не подходит малышке. Мало того что оно тускло-бордового цвета, так еще и ткань похожа на плотную тафту, топорщащуюся складками, – размышляла Вера Дмитриевна, торопливо ополаскивая лицо ледящей водой из рукомойника. – Брр... холодная какая».

– Почему холодная? Вы такую любите? – Девочка сунула пальчик под струю, а потом, как Аладдин лампу, потерла замысловатый символ на серебристом боку умывальника, принятый Верочкой за украшение. – Вот теперь теплая.

Вера Дмитриевна недоверчиво проверила воду.

– И правда теплая. А если я попробую?

Как они с Хиль выяснили опытным путем, никакие Верины манипуляции ничего не меняли, что, конечно, создавало для нее определенные неудобства, о чем тоже не мешало бы позаботиться.

Только вот обсудить это с господином Морбейном за завтраком не вышло. В коридоре, куда Вера Дмитриевна с девочкой вышли, их ждал очередной скелет в манишке с бабочкой и белоснежных манжетах, который жестом предложил следовать за ним.

– Да уж, у Алисы был белый кролик с часами, а у нас белый скелет в манжетах и галстук, – пошутила Верочка

вслух.

– Какой кролик и кто такая Алиса? – немедленно заинтересовалась любознательная малявка, и Вера Дмитриевна, пока они шли в уже знакомую столовую, успела поведать ей кусочек сказочной истории.

В столовой некроманта не наблюдалось, но завтрак им подали. А еще Верочке вручили плотный незапечатанный конверт и увесистый позвякивающий мешочек, туго набитый.

«Вера Дмитриевна, – начиналось письмо, – поскольку я вынужден пока заняться неотложными делами, прошу Вас позаботиться о Хиль. Вы наняты гувернанткой с проживанием, питанием и денежным довольствием. Ваше желание вернуться в свой мир мы обсудим позже. Комнаты, выделенные Вам и моей дочери, покажет Малкольм, можете там переделать все, что сочтете нужным. Вам выделено достаточно средств для необходимых покупок, а также охрана для сопровождения до города. Будьте осмотрительны. Обязательно возьмите с собой кота.

Магистр Азрайт Морбейн, практикующий высший некромант»

«Ого! – Верочка с интересом взвесила на руке тяжелый черный кошель с серебристыми завязками и вышитой монограммой. – Надо как-то понять, на что там хватит, а значит, сначала следует осмотреть, где мы будем жить. Важнее всего комната Хиль. Правда, неясно, зачем нам в сопровождение навязывают меховое божество, но пусть его. А вот охрана –

это жутковато звучит. Похоже, за пределами дома опасно. У кого бы узнать?»

Пока Вера Дмитриевна читала и раздумывала, Хиль с аппетитом уплетала кашу, весело мотая ногами и о чем-то болтая со стоящим рядом скелетом, который после их прихода накрывал на стол.

– Хиль? – позвала Вера, с интересом прислушалась к беседе и внезапно осознала, что понимает ответы костлявого лакея, хотя вчера речь его сородича казалась ей тарабарщиной. К тому же она только сейчас сообразила, что и письмо, написанное от руки почерком с резким наклоном и обилием завитушек в заглавных буквах, прочла так, как будто оно составлено по-русски. – Кажется, мы сегодня пойдем за покупками в город.

К ее удивлению, девочка, еще секунду назад веселая и улыбающаяся, испуганно замолчала и побледнела.

Реакция ребенка на хорошую, казалось бы, новость Веру насторожила.

– А можно я тут останусь? – Заданный тихим дрожащим голосом вопрос даже напугал ее.

– Маленькая моя, нам твой папа выделил денег, чтобы купить тебе все нужное. Красивые платья, игрушки и все, что тебе приглянется. Почему ты не хочешь поехать сама? – подбирая слова и следя за реакцией Хиль, осторожно задала Вера вопрос, а потом, видимо интуитивно, добавила: – Он и охрану нам выделил, и Амура мы с собой возьмем.

Похоже, слова про охрану оказались правильными. Ребенок расслабился и задумался, морща лобик.

— А какую охрану? — наконец поинтересовалась малышка. — Большую? А в какой город?

Хиль чего-то боялась. Помня обрывки разговора с ее отцом, Вера поняла, что каких-то нехороших людей.

— Пока не знаю. Для начала вообще стоит посмотреть, куда нас поселят. У тебя теперь будет своя комната. Ее Малкольм должен нам показать, — попыталась она хоть чем-то порадовать девочку, совершенно не представляя, кто из трех абсолютно одинаковых, на ее взгляд, скелетов упомянутый в письме Малкольм.

Эта новость малышку заинтересовала гораздо больше. С энтузиазмом доев завтрак, девчушка засыпала вопросами одного из блестящих черепашками слуг, видимо как-то их различая.

Верочка торопливо допила свой чай вприкуску с удивительно вкусными булочками с сахарной корочкой и маковой начинкой. Ее даже заинтересовало, как такую прелесть могли приготовить костлявые прислужники.

Не сам же некромант по утрам стряпает? А у скелетов нет вкусовых рецепторов. Как они могут готовить? Или есть? Какая-то магия? Еще одна загадка в и так переполненной вопросами голове не сильно способствовала хорошему настроению. Особенно на фоне недавнего испуга Хиль и того факта, что неясно, где искать кота. Ведь Азрайт велел обязатель-

но взять его с собой.

Поразмышлять обо всем этом долго не вышло. Ребенок требовал внимания и донимал вопросами, на которые Верочка в лучшем случае могла ответить через раз.

И вот тут повезло, что тот самый Малкольм, назначенный им в проводники по особняку, знал намного больше. Скелет вежливо уведомил их, что господин отбыл на пару дней по делам, охраны – целый отряд, снабженный артефактами, поедут они в карете, а город, в который им велено направиться, называется Пейлиос.

Как поняла Вера Дмитриевна, это поселение темных, которое находится в противоположной стороне от границы со светлыми. Город небольшой, но там имеется рынок и вполне достаточно лавок, чтобы удовлетворить нужды самых взыскательных дам.

От этой информации Хиль повеселела и двигалась по коридорам вприпрыжку. Верочка пока энтузиазм девочки не разделяла, и, как оказалось, не зря.

Комната для ребенка была размером со стадион. Огромный, почти пустой зал, застеленный темно-серым ковром с сиротливо стоящей в углу кровати, похоже недавно принесенной сюда.

– Э-э-э...

На озадаченное мычание Веры Дмитриевны Малкольм соизволил пояснить, что Хиль выделено самое защищенное магически помещение в доме, поскольку хозяина больше

волнует безопасность дочери.

— Как сказал господин Морбейн, остальное — ваша забота. Средства вам выделены.

— Ну что ж... — Вера распустила стянутые до поры завязки кошелья, чтобы понять, на что им хватит денег. Ведь, судя по всему, купить предстоит все, включая мебель, шторы, постельное белье и обои, не говоря уж об одежде. И при этом она еще своей комнаты не видела.

Монеты, тускло блеснувшие в растянутой горловине, были, похоже, золотыми.

— Интересно, это много? — Она продемонстрировала содержимое Хиль и увидела, как у девочки округлились глаза и даже приоткрылся рот.

Похуже, сумма была немаленькая.

— Если будешь всем показывать и не умеешь торговаться, то точно не хватит! — раздалось кошачье фырканье у них за спиной. — И учти: ты мне лежанку обещала! Так что спрячь монеты. Торговаться буду я, а ты составь список и не вздумай чем-то восторгаться. А то обдерут торгаши как липку, уж я-то всяких повидал. Все они одинаковы.

Бумагу и карандаш для списка раздобыл Малкольм, а составляли они его в выделенной Верочке комнате. Та была небольшая и довольно уютная, хотя опять в темных тонах, а еще, в отличие от покоев Хиль, меблированная. По крайней мере здесь, помимо кровати, имелся комод, шкаф и два кресла.

А еще в этой комнате наших дам ждал неожиданный и совсем неоднозначный сюрприз.

Глава 6

Точнее, сюрпризов было два, и оба торжественно представил и принялся нахваливать пушистый прохиндей, настаивая, что все это его лап дело.

Верочка очень сомневалась в том, что изящный женский скелет в платье, парике и надетом на него накрахмаленном чепце был сотворен котом, как и в том, что божок пошил платье, которое терпеливо держала в костяных пальчиках немножко жутковатая и абсолютно мертвая барышня.

– Вот. Горничная! Твоя личная, – гордо выхаживая между Верой Дмитриевной и скелетинкой, наряженной, как ростовая кукла, размявкивался Амур. – У Хиль ты за всех. И нянька, и учитель, и горничная. Пока по крайней мере. Цени, кстати, что я Азрайта надоумил. Не мужики же тебе помогать одеваться будут. Хоть и мертвые, но приличий никто не отменял.

Рыжий поборник нравственности так мел хвостом, что весь подол платья уже усеяли хорошо видные на темной ткани линялые кошачьи волоски.

– А еще, как понимаю, наряд мой вы с господином Морбейном всю ночь вдвоем шили? И мне, и этой милой молчаливой барышне. Паричок ей плели, на который ты не иначе половину своего меха пожертвовал...

Хиль весело засмеялась, тем более что парик у безымянного скелета женского пола и вправду был рыжим и каким-то куцым, что объясняло несуразный чепчик, прикрывший это безобразие.

Недобожественный воображала шутливой иронии не понял и даже попытался оскорбиться на Верино подтрунивание, заявив, что ничегошеньки больше не расскажет такой вредной Мухиной. Правда, надолго его не хватило. Похвастать о «своих» достижениях все же хотелось больше.

Потому, подувшись и убедившись, что вместо того, чтобы извиняться и молить о прощении, две несносные девчонки заняты придумыванием имени третьей, он решил, что должен немедленно вмешаться и оставить последнее слово за собой.

– И нечего сочинять тут ерунду. Горничную зовут Ильда, ну или звали когда-то... неважно! Она сейчас в... э-э-э... по-научно-землянскому в стазисе. Начнет функционировать, как только ты попросишь ее что-нибудь сделать, например помочь тебе одеться.

Котище запрыгнул на комод, куда Малкольм положил принесенную для записей бумагу и карандаш.

– Ну? Давай уже переодевайся. Потом список пиши и поехали в город. Надо посмотреть, как тут народ живет, – раскомандовался он, разлегшись там, как трафальгарский лев, и распушив хвост для важности. – Кстати, оцени, какое я тебе платье выбрал. Азraith ничего в дамских вещах не понимает.

Разве что в украшениях с магическими штуками всякими.

Кто бы ни выбирал Верочке это одеяние, кот или некромант, но вкус у него точно имелся, как и глазомер. С размером он угадал, а еще длинное платье из темно-серой, даже, скорее, цвета маренго ткани было добротным и мягким. По крайней мере по росту оно Мухиной точно подходило, а в груди и талии регулировалось шнуровкой. То, что Вера Дмитриевна приняла сначала за отделку ворота и манжеты, при ближайшем рассмотрении оказалось нижней рубахой из тонкого полотна светло-голубого цвета с кружевными оборками в тон.

– Какое красивое. – Подойдя поближе, Хиль восхищенно погладила пальчиками шелковые ленты шнуровки, а потом обернулась к коту: – А тебе, Амур, надо выйти за дверь.

Такой подставы от девочки пушистик не ожидал.

– Точно, – поддержала воспитанницу Верочка. – Скелеты ему мужчины, а сам, глаза твои бесстыжие, выйти не соизволит, когда дамы переодеваются.

– Пф-ф... – громко фыркнул котище и покинул помещение, бурча под нос: – Больно надо, чего я там не видел... Да я с богинями... да нимфы неземной красоты за честь почитали...

И почти сразу громко завопил из коридора, чтобы девушки поторапливались.

– Ильда, почисти, пожалуйста, платье от шерсти, – настоятельно глядя на скелет горничной, попросила Вера Дмит-

риевна, не особо веря, что у нее получится.

Костлявый остов в платье тут же пришел в движение. Сначала барышня сделала книксен, а потом ахнула, выудила из кармана фартучка маленькую щеточку и, аккуратно разложив платье на кровати, быстро привела его в порядок.

Потом Ильда дала Верочке сорочку, которую, очевидно, предполагалось надевать самостоятельно, после чего выудила для нее из шкафа длинные панталоны, к которым в районе коленей крепились пара чулок.

При мысли, что некромант видел и даже где-то раздобыл эту пикантную конструкцию, заменяющую здешним дамам нижнее белье, Мухиной стало не по себе, ее щеки полыхнули переспелыми помидорами. Она лишний раз порадовалась, что выставила за дверь нахального божка в звериной шкуре, который бы не преминул что-нибудь откомментировать в своей любимой манере непосредственного правдоруба.

Горничная меж тем извлекала из недр шкафа следующие вещи, оказавшиеся одеждой для Хиль. Все было вполне логично, ведь в комнате девочки шкафа не имелось, а господин Морбейн показался Верочке разумным человеком. Поэтому некромант позаботился, чтобы его дочь с наставницей, отправившись за покупками, обе имели приличный вид, соответствующий их статусу.

Где он раздобыл вещи, Верочка не представляла, но надеялась, что по дороге до города Амур выболтает им все, что знает сам, и наверняка даже присочинит.

В отличие от ее наряда, платье малышки оказалось темно-зеленым, с красивой вышивкой из мелких беленьких цветочков, а сорочка — бледно-лимонной, с очень тонким белоснежным кружевом. Отец не планировал экономить на ребенке и старался выбрать действительно хорошие вещи. Панталончики и чулки от Вериных отличались только размером, как и высокие ботиночки на шнуровке. Разве что Верины были на небольшом каблучке с острым носом и серые, а у Хиль — темно-зеленые, с закругленным носом и блестящими пряжками.

Под конец, зашнуровав Вере платье, горничная выдала им плащи с вышитым замысловатым знаком, очевидно символизирующим принадлежность к роду Морбейнов, и с поклоном вручила по плоскому футляру, в каких обычно держат ювелирные украшения.

Сияющая крошка первой откинула крышку и, восторженно попискивая, тут же нацепила на себя все содержимое: тоненький браслет с цветными кристаллами и медальон на золотой цепочке с непонятными выгравированными рунами, украшенный посередине черным мерцающим камнем.

В шкатулке Мухиной, к ее большому облегчению, золота-бриллиантов не было. Там лежала скромная серебряная брошь, на отполированной поверхности которой в точности повторялся вышитый на плаще символ.

«Может, оберег какой на всякий случай. С виду недорогой, как значок. Пусть будет». Вера аккуратно приколо-

ла украшение к платью, решив не надумывать себе лишнего про такую щедрость по отношению к ее персоне.

– Ильда, а что входит в твои обязанности? – неожиданно поинтересовалась она у скелета. Вере Дмитриевне не очень нравилось, как нарядили эту бедняжку мужчины. Если к платью претензий не имелось, то попытка замаскировать голый череп отвратительным паричком и жутким чепцом была заведомо провальной.

– Помогать одеваться, убирать в комнатах, приносить вещи, консультировать по разным вопросам... – начала неторопливо перечислять та, чуть прищелкивая челюстью при разговоре.

– Отлично! Нам понадобится помощь в подборе гардероба для меня и Хиль, мебелировке детской и прочим вещам, в которых мужчины нам не помощники. Не думаю, что бывший божок подойдет нам с Хиль в качестве консультанта. Платья, как мне кажется, все же выбирал господин Морбейн в соответствии с местными правилами приличия или поручил это дело кому-то достаточно компетентному. Ты ведь сможешь съездить с нами в город? Тебе можно покидать дом?

Откровенно говоря, Вере были неведомы предельные границы для перемещения по окрестностям некромантских созданий без риска снова упокоиться.

Скелетушка чуть зависла, задумавшись, а может, каким-то образом связываясь со своим создателем, и ответила не сразу, а спустя время:

– Да, я могу покинуть ненадолго особняк Морбейнов и быть вам полезна.

– Замечательно. Заодно и тебе что-нибудь подберем, – обрадовалась Вера Дмитриевна.

Спокойная и предупредительная девушка ей уже нравилась, а то, что скелет, так у всех свои недостатки. Она же не виновата.

– Слушай, ты меня, конечно, извини, но на голове у тебя просто мрак какой-то. Все можно сделать гораздо симпатичнее, – надеясь, что горничная не обидится, высказалась Мухина.

– Мы и Ильдун оденем? – Как только Хиль перестала бороться поездки, к малышке опять вернулась ее любознательность и хорошее настроение. – А во что? Мы купим ей новые волосы?

– Нет, – покачала головой Верочка. – Мы сделаем лучше. Череп с париком, даже самым красивым, кажется пародией на человеческую голову. Надо украсить по-другому, чтобы он выглядел изящно и элегантно сам по себе. Есть у меня одна шикарная идея. Да и платье это, думаю, тоже поменяем. Оно хорошее, но к тому образу, который я придумала, не подойдет. Лишь бы денег хватило.

Озвучить свою фантазию заинтересовавшимся дамам она не успела. В дверь заскребся котище, требуя поспешить.

– Мы так не то что к обеду – к ужину не вернемся! Копуши! И охрана ждет, и карета подана, – гнусаво провыл он из

коридора.

Пришлось поторопиться, но недовольство Амура на этом не закончилось.

– А эту зачем с собой потащили? – возмутился кот, поняв, что горничная следует за ними. – Там и так целый отряд. Не скелетов, конечно, но если хотите эпатировать местных, то взяли бы вон хоть Патрика. Он солиднее выглядит и покрепче будет, если дойдет до драки.

– Не дойдет, – твердо осадил его Вера, испугавшись, что от слов этого шерстистого идиота Хиль опять расстроится. – А Ильда нам нужна, чтобы помочь с покупками. Она все-таки женщина и, думаю, лучше разбирается в местной моде.

Пушистик, до этого момента вальяжно шествующий по коридору, ошарашенно остановился и недоверчиво уставился на женщин выпученными глазами.

– А я? Да что она понимает? Она же скелет!

– А ты кот, а когда богом был, так и вовсе не понятно, во что одевался, если вообще одевался, – парировала Верочка. – Изображали тебя, знаешь ли...

Зря, наверное, она об этом упомянула.

– Ур-р-ряу ф-ф-ф... – прервал ее рывк и возмущенное шипение. – Много они знали, невежды! Да я высоким был, красавец получше всяких. Да у меня хитонов на все случаи жизни... – Обиженно всхлипнув, мохнатый рыжий комок стартанул и умчался от них по коридору.

– Обиделся. Жалко его, – печально вздохнула Хиль. – А

на что обиделся?

— Знаешь, сам-то он горазд других обижать, — пожалала плечами Вера Дмитриевна. — Ильду вон оскорбил и не извинился. Откуда он знает, на что она способна? А обиделся на то, как его в мое время люди на картинах изображают. Только я-то тут при чем? Не я это придумала. И вообще, на обиженных воду возят. Кто ж теперь знает, что он раньше красавцем был, а не этим вот...

— Кем? — внезапно заинтересовалась до того молчавшая Ильда. Во время этой вынужденной остановки она рассматривала висящее на стене полотно в тяжелой серебряной раме. На картине были нарисованы горы и тропа, спускающаяся между скал вниз к крошечному городку, утопающему в зелени садов. Возможно, ей о чем-то говорил этот пейзаж, а может, она придиричливо искала пыль в резных завитушках обрамляющей картину рамы.

Конечно, Вера не выдержала и рассказала про голозадного пупсика с крыльями, таскающего с собой лук и стрелы, правда взяв с девушек обещание никому больше об этом не говорить и не дразнить этим несчастного Амура.

Похихикав над общим секретиком, они пошли дальше, туда, где недавно скрылся за поворотом коридора рыжий хвост бывшего божества. Рассматривая попадающиеся по пути детали интерьера, они обсуждали, что же за охрану выделил им некромант, если это, как проговорился кот, совсем не скелеты.

– Ну явно же не зомби, – поежилась Верочка. – Они же должны вонять, рычать и, может, еще хрипеть «мозги-и-и».

Она изобразила перед заинтересованными барышнями худшую версию такого зомбяшки из второсортного фильма ужасов: заковыляла по коридору со склоненной набок головой, искаженным лицом, вытянутыми руками со скрюченными пальцами и хрипло сипя пресловутое «мо-озги-и-и».

Откуда-то вышедший к ним в коридор неопознанный скелет испуганно шарахнулся обратно, закрыл дверь и явственно щелкнул замком, запираясь в помещении под веселый дружный хохот. Мухина и подумать не могла, что ее пародия на зомби вызовет панику у местных лакеев.

На крыльцо наши дамы вышли в прекрасном расположении духа и замерли в восхищении.

Карета, предоставленная им хозяином дома, словно сошла со страниц книги сказок. Вера Дмитриевна не знала, какие эмоции испытывали остальные, но у нее возникло именно такое ощущение.

Огромные колеса, позолоченная резьба, изящные окошечки, задернутые бархатными вишневыми шторками, знакомый фигурный символ на дверце – и надутый рыжий кот, разлегшийся на месте кучера на подушечке из опять же вишневого бархата.

Лошади, черные, с лоснящейся шерстью, были запряжены цугом. Упряжь всей шестерки скакунов блестела на солнце золотом и мерцала вставленными в нее кристаллами. Султа-

нов из перьев на конских головах Вера Дмитриевна и вовсе не ожидала.

«Парадный выезд, что ли, нам приготовили? Зачем? – недоумевала она. – Так только разбойников привлекать, аж ослепляет такая роскошь».

Лишь покосившись на сияющую маленькую Хиль, во все глаза разглядывающую экипаж, Вера Дмитриевна сообразила, что суровый некромант просто захотел порадовать дочь. Решил дать ей почувствовать себя папулиной принцессой. Видимо, в груди Азрайта Морбейна билось доброе, любящее, нежное сердце.

– А как мы поедem? Где же охрана и кучер? – спускаясь со ступенек, поинтересовалась Верочка у кота, отвернувшегося при их приближении.

Костлявые пальчики Ильды тут же подергали ее за рукав, а череп в нелепом чепце кивнул куда-то в сторону, где под разросшимися деревьями лежала густая тень. С травы бесшумно стали подниматься до того не замеченные ей массивные крупные фигуры, от вида которых у Верочки кровь застыла в жилах.

Глава 7

Честно говоря, теперь мысль о разбойниках, которые могут покуситься на золотое великолепие их экипажа, казалась Вере Дмитриевне совсем неубедительной. Ее вывели двухметровые широкоплечие фигуры в черных плащах с капюшонами, из-под которых белели массивные костяные челюсти с клыками, и торчащие из-за их спин на манер общипанных куриных крылышек острые лезвия.

Зрелище было весьма зловещее, а с учетом того, что Верочке с перепугу показалось, будто этих чудо-юд страшненьких целая толпа, то и вовсе кошмар наяву.

Впрочем, паника испарилась так же, как и началась, стояло идущему впереди индивиду откинуть капюшон. Умилым ангелочком в перышках он, конечно, не стал и сверкнул на подопечных женщин алыми глазами, но по крайней мере теперь выяснилось, что их охрана состоит из живых людей, а не монстров.

То, что Вера приняла за челюсть, оказалось нижней частью костяного шлема из черепа какой-то хищной зверюги с клыками, а под ним скрывалось бледное лицо мужчины с татуировками на щеках.

– Это бойцы клана ниу, – неожиданно соизволил поделиться информацией кот. Видимо, выражение испуга на ли-

це Верочки пролило бальзам на его сердце и смягчило обиду капризного божества. – Сильнейшие и неподкупнейшие. Они несколько веков назад поселились на землях рода Морбейнов, охраняя рубежи, а когда в семье родился некромант, послали лучших воинов служить тому, кого отметила своей милостью прекрасная леди Смерть.

«Понятно, культисты какие-то», – про себя прокомментировала Мухина полученную информацию, не рискнув что-то вякнуть вслух в присутствии этих неведомых ниу.

Суровые дядечки снимали капюшоны и, подойдя ближе, даже стащили шлемы. Их оказалось всего семеро. Лысые белокожие альбиносы с черными письменами на лицах, почти одинаковые, уже так не пугали. Странные лезвия за спиной оказались короткими косами, скрепленными за концы древков наподобие нунчаков. Как эти ребята не переранили всех окружающих и себя заодно, было непонятно. Впрочем, как использовать в бою такую экзотику – тоже.

– Пора ехать, – смотря словно сквозь Веру Дмитриевну, произнес главный в этой гоп-компании, ни к кому конкретно не обращаясь и не соизволив представиться. – Садитесь в карету.

Спорить с ним, конечно, никто не стал.

Один из ниу, шуганув Амура, ловко заскочил на облучок и взял в руки вожжи. Остальные, после того как Вера, Хиль и Ильда заняли свои места, выстроились по трое по бокам от экипажа.

На чем они поедут, было непонятно до тех пор, пока карета не тронулась с места.

Верочка, некультурно раскрыв рот, пялилась в окно на чудное зрелище. Видные с ее стороны три здоровенных мужика вскачь неслись вровень с набравшим скорость экипажем. Черные плащи развевались за ними, как крылья, хищно скалились вновь надетые шлемы, и блестели лезвия кос.

Случись и правда по дороге какая бандитская засада, разбойничков бы родимчик хватил от такого зрелища. Все, что они смогли бы сделать, – это подхватить в кустиках пресловутую медвежью болезнь и прикинуться грибочками.

– Теть Вера, – затеребила Мухину Хиль, отвлекая ее от окошка, – а они кто, эти дядечки? И зачем они на лицах знаки нарисовали? А как их зовут?

Девчушке было все ужасно любопытно. Карета шла плавно. Малышка уже успела заплести в косичку бахромку на шторке, обнаружить, что под сиденьем стоит пустой сундук, потискала недовольного таким панибратством Амура и даже упросила Ильду дать померить чепчик. Энергия у этой егозы была через край, и просто так ехать ребенку было скучно.

– Наверное, так надо, – только и могла ответить Вера. – Я же их тоже в первый раз вижу. Это у них надо спрашивать.

– Пф-ф... Они вам не ответят, – тут же фыркнул кот. – Вы же женщины, а они воины.

– А что, женщины уже не люди? Мы не заслуживаем, чтобы с нами разговаривали? – Верочка неприятно поразились

таким шовинистским замашкам.

– Люди, но не воины. Докажешь, что у тебя сердце бойца и душа воина, – будешь иметь право на вопросы. Или тебя должна как-то отметить сама леди Смерть. Уважение ни у кого надо заслужить, Верунчик, а пока ты для них просто ценный охраняемый груз. Кто же с вещами будет беседы вести? – Шерстистый воображала гордо задрал нос, кичась своей осведомленностью.

– А ты можешь у них спросить? – Хиль тут же умудрилась спустить его с небес на землю.

Коту с неудовольствием пришлось признаться, что и он в глазах охраны мало отличается по статусу от женщин, несмотря на бывшую божественность и мужской пол. Так что Амур опять надулся и, свернувшись клубком на сиденье кареты, сделал вид, будто умаялся и спит.

Чтобы скрасить дорогу, Мухина решила рассказать воспитаннице что-нибудь из земных сказок и, недолго думая, выбрала сказку про Золушку. Ей показалось, что история про добрую и трудолюбивую девушку, завоевавшую любовь принца, должна понравиться Хиль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.